

ОБЩЕСТВО «НУСАНТАРА»

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ
III КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ**

**МАЛАЙСКИЙ МИР:
ИСТОРИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ,
КУЛЬТУРА**

29 июня 2004 г.

Москва
2004

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Т. В. Дорофеева

Ю. А. Ландер

А.О. Захаров
(ИВ РАН, Москва)

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЩРИВИДЖАЙИ VII В. Н.Э. В ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение Щривиджайи началось в 1918 г. публикацией знаменитой статьи Ж. Сёдеса, в котором это общество было названо «царством». Несмотря на незначительное число местных источников и необходимость широко привлекать сообщения иноземных авторов, историография Щривиджайи уже весьма обширна. Вместе с тем, многие вопросы её истории остаются пока без ответа. В данном докладе делается попытка осветить проблему политической организации этого социума в конце VII в., которым датируются несколько надписей на древнемалайском и санскритском языках и сведения китайского паломника-буддиста И-Цзина.

До публикации Я.Г. де Каспарисом [1956] надписи Телага Бату проблемы политического устройства Щривиджайи историками не обсуждались; наиболее широко используемыми терминами для обозначения этого социума были «государство», «империя» и «королевство»/«царство» [Холл, 1958; Coedès, 1918, 1968; Ferrand, 1922; Nilakanta Sastri, 1949; Majumdar, 1963; Chatterji, 1967]. В знаменитой статье Р. Хайне-Гельдерна о государстве в Юго-Восточной Азии Щривиджайя даже не упоминается [1942].

В работе Я.Г. де Каспариса были предложены не только транскрипция и перевод надписи Телага Бату, но и дано аккуратное истолкование перечисленных в памятнике терминов, которые исследователь считает обозначениями различных чиновников государства и/или родственников царя. В его концепции за Щривиджайей сохраняется определения «государства» и «империи» [De Casparis, 1956].

Оживление теоретических дискуссий в конце 1950-х гг. привели ряд исследователей Юго-Восточной Азии к постановке проблемы политического устройства Щривиджайи. Значительным вкладом в историографию стали три монографии и ряд статей О.У. Уолтерса [1967, 1970, 1982], который, основываясь на структурализме Ф. Броделя, предложил концепцию мандалы как «особой (particular) и часто неустойчивой политической ситуации в неясно определимом географическом ареале без фиксированных границ, где меньшие центры имеют склонность искать безопасности во всех направлениях».

Первоначально О.У. Уолтерс [1967] предполагал, что Щривиджайя была империей, но в 1982 г. он недвусмысленно отнёс её к мандалам. Однако в 1986 г. он уточнил свою позицию, указав, что в случае Щривиджайи термин «мандала» отсылает к небольшой территории, где осуществляется прямой политический контроль центра.

Среди наиболее любопытных исследований Щривиджайи 1970-х гг. можно выделить труд Ф. Нарсена [1977], вдохновлённого идеей «азиатского способа производства». Он считал, что Щривиджайя была централизованной и авторитарной формой управления, индузированной империей, хотя для реконструкции её административной системы данных недостаточно. Особенность этого социума Ф. Нарсен видел в его торговом характере. К. Холл [1976, 1985], возражая О.У. Уолтерсу, также подчёркивавшему роль торговли в организации Щривиджайи, указал на связи центра с внутренними районами Суматры и предложил интерпретировать надпись Телага Бату в качестве свидетельства существования развитого административного аппарата по крайней мере в центре («кадатуане») политики. О.У. Уолтерс и К. Холл разрабатывали также типологию районов Щривиджайи по степени подчинения их центру. Б. Бронсон на основании археологических разысканий, не давших почти никаких серьёзных данных по истории этого царства в I тысячелетии, предположил, что идея об «империи» Щривиджайи может оказаться мифом и это не более чем общее имя для ряда суматранских политий [1979].

В 1980-х гг. к рассмотрению проблемы политического устройства Щривиджайи обратился Х. Кулке, предложивший эволюционистскую схему «вождество – раннее царство – империя/имперское царство». Его подход к истолкованию надписи Телага Бату заключается в изучении пространственных концептов и установлении районов с различной степенью власти центра и функций чиновников государства по терминологии. Щривиджайя, по мнению историка, – яркий пример «концентрического государства» в Юго-Восточной Азии, что является развитием идеи мандалы О.У. Уолтерса. В своей интерпретации санскритских терминов надписи Телага Бату Х. Кулке во многом следует подходу К. Холла и Я.Г. де Каспариса, хотя отличается от них некоторыми нюансами [1986, 1991]. Наиболее важная особенность концепции Х. Кулке – отказ видеть в Щривиджайе империю.

Ж. Виссеман Кристи [1995] обращает большее, чем Х. Кулке, внимание на малайскую терминологию надписи Телага Бату, но в целом соглашается с определением Щривиджайи как государства. Она

указывает на то, что это было «multi-port» государство. Однако Х.Дж.М. Классен [1995] не считает Щривиджайю в целом государством; по его мнению, это понятие приложимо только к её центру («кадатуану»), а сама Щривиджайя не более чем «конгломерат» взаимно сотрудничающих достаточно независимых районов. К. Тэйлор полагает, что Щривиджайя – «родовой термин для последовательности талассократий, имеющих своим центром юго-восточную Суматру с VII по XIV вв.» [1999]. Надписи же конца VII столетия показывают возникновение суматранской политики в Палембанге как «pyramidal network of loyalties among Malay rulers». К. Тэйлор, таким образом, продолжает традицию Б. Бронсона, сочетая её с взглядами У.О. Уолтерса на природу мандалы. В последние годы П.-И. Мангэн исследует Щривиджайю, исходя из концепции города-государства [2000].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что проблема политической организации Щривиджайи в конце VII в. остаётся нерешённой.

Библиография

- Холл Д.Дж.Е. История Юго-Восточной Азии / пер. с англ. М., 1958.
- Bronson B. The Archaeology of Sumatra and the Problem of Śrīvijaya // Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography / ed. by R.B. Smith & W. Watson. New York–Kuala Lumpur, 1979.
- Casparis J.C. de. Prasasti Indonesia. Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D. Vol. II. Bandung, 1956.
- Chatterji B.R. History of Indonesia. Early and Medieval. 3rd ed. Meerut, 1967.
- Claessen H.J.M. How Unique was Śrīvijaya? // BKI. Deel 151. 3e Aflevering. 1995.
- Coedès G. Le Royaume de Çrīvijaya // BEFEO. T. XVIII. 1918.
- Coedès G. The Indianized States of Southeast Asia / ed. by W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu, 1968.
- Ferrand G. L'Empire Sumatranaise de Çrīvijaya // JA. 11 sér. T. 20. 1922.
- Hall K. Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia. Honolulu, 1985.
- Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // Far Eastern Quarterly. Vol. 2. Pt. 1. 1942.
- Kulke H. The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History // Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries / ed. by D.G. Marr and A.C. Millner. Singapore, 1986.
- Kulke H. Epigraphical References to the “City” and the “State” an Early Indonesia // Indonesia. Deel 52. 1991.
- Majumdar R.C. Hindu Colonies in the Far East. 2nd ed. Calcutta, 1963.

- Manguin P.-Y. City-States and City-State Cultures in pre-15th-Century Southeast Asia // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 2000.
- Naerssen F.H. van & R.C. de Jongh. The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden/Köln, 1977.
- Nilakanta Sastri K.A. History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras, 1949.
- Taylor K.W. The Early Kingdoms // The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I. From Early Times to c. 1500 // ed. by N. Tarling. Cambridge, 1999.
- Wisseman Christie J. State Formation in Early Maritime Southeast Asia. A Consideration of the Theories and the Data // BKI. Deel 151. 2e Aflevering. 1995.
- Wolters O.W. Early Indonesian Commerce. A Study in the Origins of Śrīvijaya. Ithaca–New York, 1967.
- Wolters O.W. The Fall of Śrīvijaya in Malay History. Ithaca–New York, 1970.
- Wolters O.W. History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives. Singapore, 1982.

П. В. Погадаева
(ИСАА при МГУ)

**АТРИБУТИКА ВЛАСТИ МОНАРХА
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ХРОНИКИ «БАБАД БУЛЕНЕНГ»)**

- Источником сведений о монархической традиции на Бали, который мы используем в данной работе, является хроника Бабад Булеленг. Хроника возводит генеалогию династии к Ки Густу Нгурах Панджи Сакти, первому правителю Булеленга, государства на севере Бали. Его правление относится ко второй половине XVII в. и отмечено завоеваниями территорий на Бали и Восточной Яве. Именно он положил начало правящему клану княжества Ден Букит, получив легитимное право на трон Булеленга.
- Бабад - своего рода документ, обосновывающий легитимность или нелегитимность правления монархов. Фигура короля и его государство оказываются в смысловом центре, а миф о власти является лейтмотивом данного бабада.
- Функциональную основу и предназначение атрибутики власти составляет легитимация статуса и сакральная выделенность

монархической власти. Имея дело с таким широким понятием, мы предполагаем несколько основных уровней рассмотрения: 1 - «предметные» («вещные») атрибуты; 2 - детерминативы монарха, включая титулы; 3 - «вербальные» атрибуты – своего рода характеристики монарха, которые носят стереотипный характер.

1. «Предметные» атрибуты.

- В данном источнике крис (древняя австронезийская форма холодного оружия, обычно представленная кинжалом с пламевидным лезвием и фигурной рукоятью) очевидно является важнейшей частью монархической атрибутики и легитимирующей формой выражения власти. В различных контекстах он употребляется порядка 40 раз, причем как в яванской терминологии (*kris*), так и в его балийском (*duhuṅ*) и санскритском (*khadga*) аналогах.
- Крис выступает не просто как «предметный» атрибут монарха, а, обладая особой сакральной силой, часто выступает как его «живой» независимый помощник. Например, разговаривает со своим хозяином от лица предков (*puut*), «самостоятельно» убивает короля-соперника – от принца требуется только направить острие кинжала в нужном направлении.
- Крис – символ власти и авторитета его обладателя, причем, по его рукоятке и ножнам можно судить о высоте социального статуса его хозяина. Интересно, что Панджи Сакти, получив богатство и став королем, первым делом сделал своему крису золотую рукоятку, украшенную драгоценными камнями, и ножны из слоновой кости.
- Крис вместе со всей совокупностью остальных атрибутов монарха составляет понятие *sopakara* (т.е. «все необходимое, все регалии»), устанавливающее некий минимум необходимых аксессуаров, причем каждый из них несет свою символическую и смысловую нагрузку. Например, большой зонтик выступает как символ покровительства и атрибут монарха-миродержца; коробочка для бетеля как составная часть регалий высшей власти встречается у многих народов Нусантары.
- Особое внимание обращается на другое волшебное оружие, как и крис, связанное с идеей предков, передающих через него свою силу и энергию, тем самым и саму власть. Это *suligi* (копье) и *pasupati-astra* (скорее всего, стрела).
- Интересен сюжет образования источника чистой священной воды ударом копья о землю – этот мотив связан с непосредственным

участием богов в судьбе героя или даже с обожествлением самого героя: он перекликается с индуистским мифом о том, как Шива извлекает воду из скалы ударом копья.

- Оружие *pasupati-astra* встречается в индийской эпической литературе, а именно в «Арджунавивахе» и «Бхаратаюдхе», в сюжетах, где Шива дарит Арджуне стрелу Пасупати. Однако ни в одном из текстов нет конкретного описания этого оружия, известно только, что от него исходит пламя, обладающее особой энергией – сущностью власти (*cadusakti*).
- Условно к числу атрибутов власти можно отнести и ездовых животных (животных, предназначенных для выезда, животных-«спутников»). Отдельно стоит отметить слона, подаренного правителю в качестве его ваханы, то есть его зооморфного атрибута, присущего мифическим персонажам и божествам индуизма. В тексте этот слон сравнивается со слонем Айравана – очевидно имеется в виду Айравата (известный также как Айравана), вахана Индры, божества пантеона «Ригведы», главный из четырех мировых слонов, поддерживающих землю.

2. Детерминативы монарха, включая титулы.

- Как и на Яве, наряду с пестрой палитрой обращений и детерминативов государя индийского происхождения (*narapati, nata, nareswara*), которые, как правило, используются как обозначения правителя или обращения к нему, выделяются царские титулы королевского достоинства местного автохтонного происхождения, имеющие древние аустронезийские признаки официального титула (*aji, ratu*) и собственно балийские детерминативы (*dalem*). Отдельно стоит отметить частицы *sang* и *sri*, которые придают оттенок престижности именам и титулам (*sri parameswara / sang ratu* и т.п.). Кроме того, они могли употребляться и как самостоятельные титулы или детерминативы монарха.
- Что же касается «панджи» (*panji*), то этот термин возник как обозначение некой воинской инсигнии и генеалогически связан с общинной верхушкой. Об этом свидетельствуют такие слова родственных языков, как тоба-батакское *panjipanj* («украшение из перьев»), малайское *panji(panji)* («знамя, флажок»), тагальское *pandipandi* («флажок») и т.п.. Кроме того, встречающаяся в хронике лексема *jujuluk* («титул») имеет одно из значений «флаг, знамя», т.е. семантически синонимично *panji*.

3. «Вербальные» атрибуты.

- Особую категорию «вербальных атрибутов» составляют так называемые сакральные признаки могущества. Это, в первую очередь, *agnimaya* («яркое волшебное сияние»), которым обладал принц при рождении, и *sakti* - магическая сила, переданная через предков, которая не просто обеспечивает определенному лицу статус правителя, но и гарантирует процветание и стабильность его государству.
- Среди всех характеристик правителя выделяются воинские качества. Даже по количественному критерию лидируют такие признаки, как, например, *surêṅ yudda* («герой в битве»), *wiryaguna* («доблесть»), *kasuran* («героическая сила, отвага») и т.п.
- Также можно встретить т.н. «неофициальные» титулы монарха, принявшие форму характеристик, которые подчеркивают его исключительность, его статус над социальной системой, а не принадлежность к правящему классу. Это, как правило, сугубо балийские по содержанию определения («покровитель бали ага», «первый из королей на острове Бали» и т.п.).

А. Е. Зимин

(Институт практического востоковедения, Москва)

ТОМАС СТЭМФОРД РАФФЛЗ – ОСНОВАТЕЛЬ СИНГАПУРА

Томас Стэмфорд Раффлз глубоко изучил историю, обычаи и языки Нусантары, что способствовало его быстрому продвижению по службе в Британской ОИК.

В 1810 году обративший на Раффлза внимание лорд Минто, генерал-губернатор всех английских владений на Востоке, учредил для него специальную должность «агента при малайских султанах» с местопребыванием в Малакке и поставил для него задачу склонить на сторону Англии султанов притесняемых голландцами.

4 августа 1811 года английский военный флот, 100 кораблей под командованием Минто, начали высадку десанта на севере Западной Явы. 17 сентября 1811 г. Янсенс капитулировал, сдав Британии все голландские владения в Нусантаре.

Минто назначил Раффлза помощником генерал-губернатора Ост-Индии и губернатором Явы с неограниченными полномочиями. Эрудит-востоковед, Раффлз, в отличие от других колониальных деятелей Британии, сознавал значение Нусантары и полагал не верным замыкаться только на колонизации Индии.

Действительно, будучи представителем гораздо более развитой, чем Голландия, страны, Раффлз пошёл дальше всех своих предшественников в Батавии по пути реформ, ведущей к капиталистической модернизации Явы. Тем не менее, Ява не стала доходной для ОИК.

Тогда неугомонный сэр Раффлз принялся страшить Мойра и директоров ОИК возможностью восстановления голландцами их монополии на мореплавание и торговлю в Малаккском проливе. Это позволило ему получить разрешение Мойра на закладку на каком-нибудь из «ничейных» островов в Малаккском проливе торговой станции, которая мыслилась Раффлзу как «анти-Батавия».

28 января 1819 года в сингапурский порт вошел британский военный корабль. Первым на берег стремительной походкой сошел Т.С. Раффлз - немолодой, элегантно одетый джентльмен, решительный взгляд которого свидетельствовал о том, что обосноваться здесь он намерен всерьез и надолго.

Сингапур начал бурное строительство. Он был объявлен портом свободной (беспошлинной) торговли и скоро стал центром международной торговли между Западом и Востоком.

Экономическая выгода, приносимая Сингапуром, была сравнима разве что с теми доходами, которые приносила вся Индия, в то время как финансовых затрат требовалось не в пример меньше. Так родился «Брильянт Британской Короны» - «Азиатский тигр» - город-порт Сингапур.

Признание как одного из основателей Британской Империи пришло к Раффлзу лишь после смерти. Имя Раффлза высоко чтится в Сингапуре, где ему установлены два памятника.

Ю. А. Ландер
(ИВ РАН, Москва)

КОНЬЮНКЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ИНДОНЕЗИИ

1. Для выражения значения конъюнкции¹ в языках мира могут использоваться множество разных конструкций, показывающих как

---

¹ Понятие «конъюнкция» используется здесь достаточно неформально – скорее, речь идет о некоторой иерархически организованной семантической области. Ниже соответствующие значения используются достаточно интуитивно. О прототипе конъюнкции на уровне именных групп см. Stassen 2003.

сочинительные, так и подчинительные свойства – ср., например, в русском языке сочинительную конструкцию с союзом *и* и подчинительную конструкцию с предлогом *с*. В случаях типа русского подчинительные конструкции связаны, как правило, с коммуникативным неравноправием конъюнктов (ср. Архипов 2002).

2. Похожая ситуация обнаруживается и в некоторых языках Индонезии и Малайзии - в том числе и в малайском/индонезийском, где имеется с одной стороны, явно сочинительный показатель *dan* (1a), а с другой стороны, такие маркеры как *dengan*, *serta*, *ikut* (1b). При этом формальный статус последних не вполне очевиден (отчасти в силу их продолжающейся грамматикализации), так же как неочевидно здесь и то, что их употребление имеет какую-либо коммуникативную мотивацию.

(1)a. *kendaraan angkutan umum dan kendaraan pribadi...*

транспорт грузовой общий *dan* транспорт личный
'общественный грузовой транспорт и личный транспорт.'

b. *pedagang sayuran, daging, buah-buahan, serta kebutuhan sehari-hari*

торговец овощи мясо плоды *serta* потребность ежедневный
'торговцы овощами, мясом, плодами и (прочими) товарами
повседневного спроса'

Такая ситуация в Западной Индонезии весьма распространена. Например, в языке **лампунг** для выражения конъюнкции используются сочинительный союз *xiq*, а также «предлог» *jama*. (2a) демонстрирует оба этих слова (причем *jama* в подчинительной функции), а также очевидно родственное *jajama* 'вместе'; (2b) – пример использования *jama* при выражении «чистой» конъюнкции.

(2)a. *Tian campoh jama sanaq-sanaq baxih xiq midox jajama*

they mix *jama* child-child other *xiq* travel together

'They mix with other children and play together.' (Walker 1976: 33)

b. *nyaq jama xiq-ku midox mit Sukaxami*

I *jama* friend-my travel to Sukaxami

'my friend and I made a trip to Sukaxami' (Walker 1976: 36)

При этом даже в языках с сочинительными маркерами конъюнкции последние нередко могут быть возведены к показателям вроде *jama* в лампунг – такова, например, ситуация в яванском и мадурском (А.К.Оглоблин, устное сообщение).

3. Исследование, проведенное на материале (сравнительно небольшой) выборки языков Западной Индонезии показывает, однако, что судя по всему, для данного ареала еще более типична ситуация, когда «исключительно сочинительного» маркера конъюнкции в языке вообще

нет. Так, в **ачехском** языке показатель *ngön* используется и в качестве «сочинительного союза», и в качестве «предлога»:

(5)a. *ji kap bak bruek mata ngön bak jungka*

3 bite at shell eye *ngön* at jaw

‘[The wasps] bit at his eyes and at his jaw.’ (Durie 1985: 260)

b. *lôn jak u keude ngön si ali*

I go to town *ngön* ART Ali

‘I am going to town with Ali.’ (Durie 1985: 176)

Аналогичная картина наблюдается и во многих других языках - например, в **тондано** (6), **муна** (7), **тоба-батакском** и т.д.

(6)a. *ku kimelaŋ wo nisia*

I walk wo he

‘I walked with him.’ (Sneddon 1975: 106)

b. *se toudano se mapa ʔyaŋ witu numa wo witu ləpo*

PL Tondano PL work LOC DET-garden wo LOC rice.field

‘The Tondanese work in the garden and in the rice fields.’

(Sneddon 1975: 147-148)

(7)a. *a-kala miina bhe anoa*

I:REALIS-go not *bhe* he

‘I went without him.’ (van den Berg 1989: 141)

b. *ko-si-bhari-bhari-ha-e ne-taa bhe no-muda*

ko-si-RDP-all-ha-it 3SG:REALIS-good *bhe* 3SG:REALIS-cheap

‘They are all good and cheap.’ (van den Berg 1989: 142)

4. Согласно типологии, предложенной Л. Стассеном (см., например, Stassen 2003), языки мира условно делятся на имеющие сочинительный показатель конъюнкции (**and-языки**) и имеющие только подчинительный маркер конъюнкции (**with-языки**). Правда, как отмечает Стассен, в реальности идиомы скорее располагаются на некоторой шкале между прототипическим **and-языком** и прототипическим **with-языком**, обусловленной в первую очередь сферой использования показателей типа английского *with* (и русского *с*). С этой точки зрения, рассматриваемый ареал, безусловно, тяготеет к «with-полюсу».

В то же время, не всегда очевидно, что показатели типа *wo* в тондано (6) всегда являются подчинительными. На самом деле, учитывая, что такие маркеры сами по себе немаркированы в отношении коммуникативного статуса конъюнктов, можно допустить, что они немаркированы и в отношении оппозиции между сочинением и подчинением. Это, в частности, объясняет и отмеченную Стассеном (и подтверждаемую индонезийским материалом) корреляцию между принадлежностью

языка к with-типу и отсутствию в нем категории падежа – сильно грамматикализованные падежи, будучи формально управляемыми, должны бы были привести к жесткой оппозиции между сочинением и подчинением.

5. Сказанному, казалось бы, противоречит то, что при использовании аналогичных показателей при конъюнкции предикаций последние оказываются неравноправны: фактически одна из клауз здесь несет фоновую информацию, что приводит к обстоятельственным отношениям. В этой связи весьма показателен **ибанский** язык (основные носители которого, правда, проживают не в индонезийской, а в малайзийской части о. Калимантан, что конечно, не отказывает этому языку в принадлежности к тому же ареалу). Здесь имеется широко используемое слово *?əŋgaw*, в Asmah Hj. Omar 1981 в разных частях переводимое и как ‘and’, и как ‘with’ (что там считается омонимией) – именно этот показатель обычно используется при выражении конъюнкции (8a), но с т.н. «прилагательными» *?əŋgaw* указывает на «способ действия» (8b):

(8)a. *kambiən capi ?əŋgaw kərəbo*

‘goats, cattle and buffaloes’ (Asmah Hj. Omar 1981: 203)

b. *gawa? ?əŋgaw manah*

work *?əŋgaw* beautiful

‘works beautifully’ (Asmah Hj. Omar 1981: 101)

Такая ситуация тем более удивительна, поскольку целом, синтаксис предложений обычно медленнее грамматикализуется, нежели синтаксис именных групп – и того же можно было бы ожидать и от конъюнкции, но на практике здесь наблюдается обратное (отсутствие оппозиции «сочинение vs. подчинение» в именных группах и его наличие на уровне предложения).

«В оправдание» подобных примеров можно заметить, во-первых, что на уровне предложения (а может быть, и дискурса) конъюнкция часто вообще никак не выражается. Соответственно, использование дополнительного показателя вроде ибанского *?əŋgaw* заведомо маркировано, что естественно, должно приводить к разного рода ограничениям, т.е. фактически к грамматикализации соответствующих конструкций. Во-вторых, важно, что прототипически конъюнкция связана с некоторой семантической «спаянностью» конъюнктов. Для предикаций это может, в свою очередь, приводить к частым импликациям одновременности обозначаемых ситуаций – что для обычного дискурса, как кажется, не вполне типично до тех пор, пока

одна ситуация не выступает в качестве фоновой. Кроме того, естественное последствие этой «спаянности» – совпадение определенных актантов (чаще топика/субъекта), что также легко может грамматикализировываться в виде подчинения. Все эти факторы, однако же, остаются достаточно гипотетическими и нуждаются в проверке на корпусе текстов на соответствующих языках.

Библиография

- Архипов А.В. 2002. Об одном определении комитатива // *Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров*. М. С. 98-101.
- Asmah Hj. Omar. 1981. *The Iban Language of Sarawak*. Kuala Lumpur.
- Durie M. 1985. *A Grammar of Acehnese*. Dordrecht.
- Sneddon J.N. 1975. *Tondano Phonology and Grammar*. Canberra.
- Stassen L. 2003. Noun phrase conjunction: The coordinative and the comitative strategy // *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Ed. by F. Plank. Berlin. P. 761-817.
- van den Berg R. 1989. *A Grammar of the Muna Language*. Dordrecht.
- Walker D.F. 1976. *A Grammar of the Lampung Language: the Pesisir Dialect of Way Lima*. Jakarta.

Н. В. Заболотная
(ИСАА при МГУ)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ -IN/-AN/I- АФФИКСОВ ТАГАЛЬСКОГО (ФИЛИППИНСКОГО) ГЛАГОЛА

Аффиксы -in/-an/i- участвуют в образовании трех страдательных залогов тагальского глагола. Если нас интересует объект, на который направлено действие, то употребляется так называемый «прямой» пассив, образуемый аффиксом **-in**. Если же нужно подчеркнуть место, где происходит действие, а также и инструмент, орудие, которым совершается действие или лицо, для которого совершается действие, то используются соответственно «местный» пассив (аффикс **-an**) и инструментальный (аффикс **i-**).

Однако традиционный набор семантических единиц оказывается малоэффективным для характеристики системных связей залоговых морфем. Традиционно выделяемыми единицами сигнификативного уровня помимо «агенса» («деятеля», «агента действия», «субъекта действия») и «пациенса» («реципиента действия») являются, например, «прямой объект» (он же «непосредственный» или «объект действия»),

«инструмент», «средство», «место действия», «адресат», «заинтересованное лицо» и т.д.

В тагальском языке (ТЯ) есть достаточно много случаев, когда эти семантические единицы применимы для интерпретации пассивных залогов. (Этому обязаны своим происхождением и традиционные названия тагальских пассивных залогов: «прямой», «местный» и «инструментальный»).

Однако случаи, когда применение указанных семантических единиц не позволяло отграничить семантику одного залогового показателя от семантики другого, так многочисленны и часты, что скорее представляются правилом, а не исключением.

Соотношение -an/-in – «объект действия»:

При наличии показателя «местного пассива», суффикса -an, подлежащее может обозначать не только «место действия», но и «объект действия», таким образом, показатели «прямого» пассива (-in) и «местного» пассива (-an) оказываются взаимозаменяемыми при обозначении «объектов действия», но эти объекты как-то по-разному вовлечены в происходящее событие, сравните: а).(аффикс -in) Inakuyat niya ang bundok. – Он взобрался на гору и б).(аффикс -an) Inakuyatan niya ang bundok. – Он взобрался на гору. В предложении а). аффикс -in указывает на то, что ang bundok «гора» - это объект, который полностью испытывает действие, указанное корневой морфемой. То есть передает следующее значение: «вершина горы была достигнута» или «гора была покорена». В предложении б). аффикс -an тоже указывает на объект, но в этом случае не весь «объект действия» подвергается воздействию со стороны глагола, а лишь его часть, как, например, «вершина горы», таким образом, делая «ang bundok» местом, где располагается какая-то его часть. Laguan ‘быть местом игры’, ‘быть тем, (с) чем играют’, т.е. ‘быть игрушкой’. Однако этот «объект действия» также несколько иначе подвергается воздействию, чем тот, на который указывает в составе глагола суффикс -in - показатель «прямого пассива»: laguin ‘быть тем, с кем играют, кого развлекают игрой’ (корневая морфема -lago- ‘игра’) и т.д.

-an/i- - бенифициент:

Gawan mo ng damit ang Nanay («местный» пассив) Сшей (сделай) одежду для матери. Igawa mo ng damit ang Nanay (инструментальный пассив) - Awitan mo ako. - «Пой мне» («пусть я буду тем местом») или Ibasang mo ako. - «Читай для меня» (инструментальный пассив).

В этих примерах аффиксы -an и i- передают одно и то же грамматическое значение – действие, совершаемое для кого-либо, но есть и небольшое оттеночное различие между ними: если в «местном» пассиве лицо рассматривается как объект, на который направлено действие, то в инструментальном пассиве ярче выражена идея совершения действия в порядке любезности, то есть он употребляется, если говорящему важно указать на лицо, для которого или в интересах которого совершается действие.

Таким образом, вышеуказанные примеры показывают, что разные аффиксы могут передавать одно и то же грамматическое значение, характеризовать одни и те же падежные отношения. Однако есть аффиксы, которые выражают два и более значений.

Так, глагол *iputol* («инструментальный» пассив; корневая морфема -*putol*- ‘рубка’, ‘резание’) может обозначать и то, чем рубят, режут, и того, для кого рубят, режут. Другие глаголы с *i*- могут обозначать то, что высказывается (*ibalita* ‘быть сообщенным’), то, что передается другому лицу (*ibigay* ‘быть отданным, отдаваемым’), то, что приближается к другому участнику ситуации (*ilapit* ‘быть приближенным’), сопоставляется, сравнивается с другим компонентом ситуации (*ihambing* ‘быть сравниваемым’), наконец, причину действия (*iluha* ‘быть тем, что оплакивают, из-за чего плачут’). *Ibinigay ni Salud kay Dario ang kanyang payong*. ‘Салюд дала Дарио свой зонт’ (объектный пассив) [Рачков Г.Е., 1981; 128]. *Ipinalo ng hari ang kanyang palad sa mesa...* ‘Ударил царь ладонью по столу...’ (инструмент).

Многочисленные случаи такого рода уже при первом рассмотрении делают зыбким разграничение традиционных понятий «места» и «объекта», «объекта» и «инструмента» и т.д. Целесообразнее поэтому именовать названные формы нейтрально: *in*-пассивом, *an*-пассивом и *i*-пассивом.

Библиография

1. Подберезский И.В. Классификация частей речи в современном тагальском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- М.: МГИМО МИД СССР, 1966.-262с.
2. Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка.- Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981. – С. 100-156.
3. Шкарбан Л.И. Проблемы изучения категории залога в тагальском языке // Языки Китая и ЮВА. – М.: 1979.
4. Leith V. Casel The syntax and semantics of Tagalog verbs with –an.- Manila.: UP, 1977.

Е.А. Новоженова
(ИСАА при МГУ)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение.

Глубокое усвоение пластов заимствований различного происхождения делала филиппинский (тагальский) язык все более проницаемым для новых иноязычных элементов. Результатом стал обратный процесс – влияние ассимилированных заимствований на язык-реципиент, что в первую очередь отразилось на лексическом уровне.

2. Семантические заимствования (сдвиги).

2.1. Расширения являются результатом перенесения семантики иноязычного слова на уже существующую в языке-реципиенте лексему со сходной смысловой или звуковой оболочкой. В тагальском языке подобному переносу подвергаются и ранее усвоенные заимствования.

а) смысловые расширения:

direksyón [< исп. *dirección* «руководство, правление; направление; адрес»] «направление; адрес; правление, администрация» + «директива, команда; инструкция, указание» [< англ. *direction* «направление; адрес; правление; директива; инструкция»],

таг. *kalihim, sekretaryo* [< исп. *secretario*] «доверенное лицо, секретарь» + «министр» [< англ. *secretary* «секретарь; министр»];

б) звуковые расширения:

bola [< исп. *bola*] «мяч, шар, игра в мяч» + «шутка; обман, лесть» [< исп.-мекс. *volada* «обман, шутка»],

англ. *canvas* «холст; полотно, парусина, брезент; др.» > таг. *kambas* «холст; полотно, брезент» + «проверка, расследование» [< англ. *canvass* «проверка результатов голосования»],

таг. *tipon* «собираение» + «тип» [< исп. *tipo* «тип»].

2.2. При созданиях строятся новые комбинации из готовых лексических единиц, имеющих в тагальском языке, для перенесения в них заимствованных значений:

а) заимствования-кальки (в процессе калькирования для подстановки также используются усвоенные заимствования):

damahin ang pulso [< таг. *damahin* «чувствовать, ощущать», исп. *pulso* «пульс»] < англ. *to feel the pulse* «щупать пульс; перен. держать руку на пульсе»,

pinál na desisyón [< исп. *final* «последний; окончательный», *decisión* «решение»] «окончательное решение» < англ. *final decision* (ср. исп. *determinación* «окончательное решение»).

б) *Индукцированные новообразования* возникают, когда при попытке получить слово, эквивалентное по смыслу иноязычному, создают новое, не имеющее формальной аналогии с иноязычным оригиналом:

pakilusán (букв. «то, где происходит движение») «двигатель» [ср. исп. *motor*, англ. *motor, engine*],

karnerong-dagat (букв. «баран [< исп. *carnero*] морской») «тюлень» [ср. исп. *foca*, англ. *seal*],

padér-ilog (букв. «стена- [< исп. *pared*]-река») «набережная» [ср. исп. *malecón*, англ. *embankment*] и др.

3. Влияние на лексическую систему языка.

Регулярные фонологические и грамматические изменения вследствие влияния обширных пластов иностранной лексики могут приводить к возникновению неудобных или обременительных омонимичных пар.

3.1. Заимствования могут находиться в положении *свободного варьирования* с родным эквивалентом:

таг. *ibig* «желание; цель, намерение; прихоть, каприз; любовь, возлюбленный; мечта, идеал» и *nais* «желаемое; намерение» [?< скр. *īṣ* «желание»], *gustó* «желаемое, любимое» [< исп. *gusto* «любимое; вкус; каприз, желание; наслаждение; др.»];

adhikâ «цель, намерение; стремление» [< скр. *adhigān* «приблизиться к; добиваться; стремиться к»] и *layon* «цель, задача, намерение» [< кит. *lâi* (приходить; по причине) – *óng* (идти) «приходить и идти; взаимные отношения»];

podér [< исп. *podér* «мочь»] «власть; сила, возможность» (*Itó'y nasa podér niyá* «Он может это»; «Это в его власти») и исконное *karangyarihan* «власть, сила власти», но *kaaya* «обладание силой, возможностью сделать ч.-л.» (*Itó'y nasa kaaya niyá* «Он может это»).

3.2. *Вытеснять* друг друга, а также ранее усвоенные иноязычные лексемы, полностью, или из регулярного употребления:

tanglâw «более поэт. свет, освещение, светлый; факел» [< кит. *tieng* (лампа, светильник) – *lâu* (строение, башня) «свет, сигнальный огонь, маяк»], *sulô* «факел» [?< перс. *šule* «пламя, огонь»] вместо таг. *sigšig* «факел (из бамбука или веревки)» и *huwere* [< кит. *hóe* (огонь) – *pé* (связка, охапка) «факел»] «факел»;

byahe [< исп. *viaje*], *trip* [< англ. *trip*] «поездка, путешествие» вместо таг. *pagliliwalíw* «увеселительная поездка»;

probinsya [< исп. *provincia* «провинция; область»] вместо таг. *lalawigan*.

В современном филиппинском нет родного эквивалента для слова «скорпион» (ср. мал. *kala*, индон. *kaladjengking*). Вместо него употребляется китаизм *atang-atang* [< кит. *giet* (скорпион) - *á thâng* (насекомое) «скорпион»] и испанизм *alakdán* [< исп. *alacrán* «скорпион»].

3.3. Дифференцироваться от исконных лексем в семантическом и/или функционально-стилистическом аспектах:

Tatay [?*<* скр. *tāta* «отец»] «папа (в т.ч. при обращении)» и таг. *amá* «отец»,

suklî [< кит. *chao* (размен, сдача) - *chi* (деньги)] «сдача, мелочь» и *baryá* [< исп. *variar* «менять(-ся)»] «мелочь, разменная монета» (но не «сдача»!).

Яркий пример специализации значений в результате взаимодействия исконных и иноязычных лексем – функциональная дифференциация тагальских, испанских и английских числительных.

Такие явления, как заимствования-сдвиги и развитие семантики уже ассимилированных инолексем под влиянием других заимствований в тагальском языке относятся, на наш взгляд, к *лексико-семантической интерференции*, обусловленной в прошлом испано-тагальским, а в настоящее время массовым англо-тагальским билингвизмом, а также воздействием всего корпуса заимствований на систему языка-реципиента.

Е. В. Романова
(СПбГУ)

«ПЕСНИ СТРАННИКА» САНУСИ ПАНЕ

Сануси Пани (1905–1968) оставил значительный след в индонезийской литературе, в особенности, в поэзии. Среди стихотворных сборников Пани прежде всего необходимо выделить сборник «Песни странника» (*Madah kelana*), который прозвучал практически финальным аккордом в поэтическом творчестве писателя. Стихи, вошедшие в этот сборник, были написаны Пани во время путешествия по Индии в 1929–1930 гг., которое Пани хотел совершить уже давно, поэтому все они проникнуты отголосками индийской

философии и религии. Самое длинное стихотворение сборника посвящено Танцующему Шиве, который мыслится здесь как проявление Всеобщей Души. Другое стихотворение описывает величественный и прекрасный мавзолей Тадж-Махал. Некоторые стихи сборника посвящены мифологическим героям индийского эпоса: «К Кришне» (Kerada Krisyna) или «Арджуна» (Arjuna); есть стихи, фоном которых выступают пейзажи Индии, например, «На берегу Джамны» (Di tepi Jamuna).

Сборник «Песни странника» во многом отличается от ранних работ Пане как в поэтическом, так и в философском плане.

Если раньше поэт чаще прибегал к форме сонета, в чем сказалось влияние на него западной поэзии и, главным образом, творчества голландских поэтов-восьмидесятников, то в сборнике «Песни странника» он обращается к самым разнообразным стихотворным формам, смело экспериментируя с рифмой. Пане ещё не может окончательно порвать с традиционными формами индонезийской поэзии, однако в его стихах уже нет традиционных штампов, присущих пантуну или шаиру. В сонетах из сборника «Цветы облаков» (Puspa mega) ещё прослеживается деление на две части, в первой из которых выражается поэтическое сравнение, а во второй – основная мысль. Однако в сонетах, входящих в сборник «Песни странника», такое двучастное деление размыто, а порой и вообще трудно различимо. Язык стихотворений Пане отличается простотой и одновременно оригинальностью. Выразительность зачастую достигается за счет различных повторов, основное место среди которых занимают анафорические.

Что же касается философского аспекта, то поездка в страну давней мечты во многом изменила взгляды Пане на мир, и основной темой его стихов стал поиск счастья и душевного покоя. Теософические убеждения автора представлены в этом сборнике намного четче, чем в его ранних работах, и всю книгу можно рассматривать как попытку мистической самореализации души писателя, поэтому в сборнике «Песни странника» можно проследить эволюцию взглядов Пане на окружающую его действительность.

Условно сборник можно разделить на три части. Первая часть целиком пронизана чувством одиночества, отъединенности от всего мира, а главное – желанием забвения, потому что счастье кажется лирическому "я" недостижимой мечтой. Во второй части он идет по пути озарения, открытия Всеобъемлющей Души, заключенной в пределах

человеческого сердца. Именно в этой части яснее всего виден мотив странничества, и не случайно Пана называет себя поэтом-скитальцем в запыленной чалме. Эта дорога и этот поиск как раз и создают те настроения, которые дали название всему сборнику.

В третьей части лирический герой обретает, наконец, счастье. Радость возвращается к нему, потому что он приходит к единению с вечностью, которая, если обратиться к традициям мистицизма, которым следовал Пана, символизирует также и Возлюбленную. Лирический герой достиг всего того, к чему он стремился, а именно, обрел покой и безмятежность, которые можно найти лишь в собственном сердце.

Необходимо отметить, что в сборнике «Песни странника» выражена жизненная позиция поэта, его своеобразная философия. Эту небольшую книгу можно рассматривать как философский труд, исследование, проведенное Паной с целью понять и объяснить окружающий его мир. Поэтому характерной чертой его стихов является то, что отделить автора от его лирического героя практически невозможно. Завершив свой труд, Пана говорит, что для него стали ясны основы жизни, и философия больше не имеет для него продолжения.

Именно поэтому после 1931 года, когда вышел сборник «Песни странника», Пана почти не писал стихов, за исключением отдельных стихотворений, напечатанных в журнале «Восход» (Timbul).

Е.А. Позднякова
(СПбГУ)

**ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИИ
В ТЕМЕ СЕМЬИ И БРАКА
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ПРОЗЕ
1970-1990 ГГ.**

Вероятно, во всех литературах мира теме семьи и брака отведена исключительно важная роль. При этом акценты в стереотипах литературного осмысления роли семьи в обществе могут, естественно, резко отличаться в разных традициях. В большинстве работ, в которых анализируется тема семьи в литературе, анализ строится вокруг оппозиции «новое – традиционное», и это вполне оправдано. Основные проблемы индонезийской семьи и брака и проявляются в конфликте

нового жизненного уклада и традиционных элементов индонезийской жизни (в семейных отношениях, в воспитании, и т.п.).

Нас будет интересовать, не традиция в этнографическом смысле, а традиция в стереотипах индонезийской прозы 70х-90х годов. Мы будем исходить из того, что эта традиция нам не известна, - ее предстоит реконструировать. При этом нас будет интересовать не столько сама иерархия мотивов, связанных с традицией, в литературе, но и устойчивые стереотипы отношения прозаиков 70х-90х к этим мотивам.

В качестве источников использовались тексты 10 индонезийских романов соответствующего периода. Эти тексты могут рассматриваться, как вполне представительная выборка, характеризующая литературу 70х-90х. В нее включены наиболее известные прозаики этого периода, в частности: Прамудия Ананта Тур, Умар Каям, Ахмад Тохари, Титис Басино, Мангунвиджая и др.

Восприятие нового в теме семьи и брака в литературе 70х-90х.

Негативное восприятие инноваций, связанных с темой семьи, наиболее часто проявляется в мотивах, отражающих семейный/внебрачный статус женщины.

Во взаимоотношениях между родителями и детьми авторы находят ряд **положительных инновационных моментов**. К другому положительному инновационному мотиву можно отнести не консервативное отношение писателей к теме невинности девушки/невесты. Прозаики 70-х положительно воспринимают самостоятельность современных девушек при выборе жениха.

Таким образом, литературные инновации в теме семьи и брака воспринимается в большей степени положительно. На наш взгляд, «новое», прежде всего, сопряжено с раскрепощением взглядов на этикетные нормы общения внутри семьи и с освобождением от традиционных стереотипов при ее создании.

Восприятие традиционного в женской теме литературы 70х-90х.

Негативное отношение авторов к традиции связывается с несколькими аспектами:

- Зависимое положение женщины в семье
- Ранние браки
- Многоженство

Рассматривая **положительное отношение к традиции**, можно выявить несколько основных направлений:

- Послушание дочери (зависимое положение)
- Социально-неравный брак

- Количество детей в семье
- Семейные обычаи и ритуалы

Анализ темы семьи и брака в индонезийской литературе 70х-90х позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Мотивы, связанные с традиционными элементами культуры, значительно чаще встречаются в прозе 70х-90х (в соотношении 9 : 1), чем мотивы, в которых акцентируются инновации в теме семьи и брака.

2. По отношению к традиционным элементам, авторы проявляют двойственное отношение. Однако в конфликте «традиционного» и «нового», прозаиков 70х-90х интересует в большей степени соблюдение традиции в целом.

3. Изменения в «семейной жизни», связанные с новыми нормами жизни, в индонезийском романе отражены фрагментарно и касаются они в основном сферы равноправия.

4. Становится возможным наметить основные компоненты, характеризующие обобщенный положительный образ семейного очага:

- семья занимает центральное место в иерархии жизненных ценностей яванца
- ряд обрядов до сих пор имеет место быть в повседневной жизни семьи
- ритуальность и символизм подчеркивают патриархальность семейного уклада
- взаимоуважение и верность внутри семьи
- большое количество детей - гармония внутри семьи

В. А. Сотский
(Москва)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ МУЗЫКИ

В течение последнего десятилетия всё большую популярность среди индонезийской молодёжи приобретают т.н. альтернативные музыкальные жанры - рэп, панк, хард рок, трип хоп и др., заимствованные, как правило, из американской и европейской культур. Резко возросшая популярность стиля рэп в середине 90-х гг. привела к тому, что в 1995 г. правительство Индонезии в лице министра по вопросам научных исследований и технологий, а позже президента Индонезии Б. Хабиби публично объявило этот музыкальный жанр

чуждым национальной культуре и ценностям Индонезии, пагубно влияющим на современную молодёжь. Действительно, при таком удивительном богатстве и разнообразии издавна существовавших в Индонезии традиционных музыкальных форм, тенденцию тяготения молодёжи к зарубежной музыке нельзя назвать положительной в культурном отношении. Согласно опросу, проведённому в индонезийских учебных заведениях в 2000 году, большинство молодёжи (55,4%) предпочитает поп-музыку, 13,8% - рок-музыку, а оставшаяся треть опрошенных склоняется к альтернативным музыкальным жанрам. Опрос также показал, что лишь одна треть (34,8%) любит национальную музыку дангдут, остальные же считают её исключительно музыкой низших слоёв общества. Аналогичный опрос был проведён с целью выявить, какие музыкальные телеканалы и программы имеют наибольшую аудиторию среди молодёжи. Большинство респондентов (64,3%) отдали предпочтение международному каналу MTV, в частности, программе MTV Asia Hitlist, которая гораздо чаще транслирует зарубежную (как правило, американскую) музыку, нежели индонезийскую. Канал Delta, примерно в равной степени знакомящий зрителей как с зарубежной, так и с индонезийской музыкой, выбрали 8,6% опрошенных. Третье место (7,7%) занял канал ВМІ (Buana Musik Indonesia), основную долю эфира которого составляют индонезийские видеоклипы и концерты.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что процесс глобализации и коммерциализации в Индонезии в последние годы продолжает охватывать всё больше отраслей культуры и искусства. С одной стороны, это способствует популяризации индонезийской культуры за рубежом, с другой - её видоизменению и частичной утрате самобытности. В частности, это не могло не отразиться на музыке национальных оркестров гамелан, которая благодаря популяризации, развитию туризма, а также использованию новых технологий в области звукозаписи, постепенно интегрировалась в общую транснациональную систему world music, национальные границы которой становятся всё более размытыми. Теперь гамелан стал неотъемлемым атрибутом повседневной жизни индонезийца, его можно услышать в рекламных роликах, на показах мод, в качестве аккомпанемента или 'этнического' дополнения к современной индонезийской, и даже западной музыке.

Альтернативные музыкальные жанры получили распространение среди индонезийской молодёжи в конце 80-х - начале 90-х гг., когда

среди представителей среднего класса городского населения всё в большей степени стало проявляться недовольство режимом “нового порядка” Сухарто. Многие музыканты, исполняющие панк-рок или рэп (Iwa K, Denada, Iwan Fals, группы Slank, Jamrud и др.), утверждают, что потребность в подобной музыке у молодёжи возникла в ответ на попытки правительства контролировать различные сферы социальной жизни. Альтернативная музыка выделялась своей хаотичностью, порой даже агрессивностью, что заметно контрастировало с размеренной, строго упорядоченной по структуре музыкой гамелана и с лёгкой мелодичной поп-музыкой, которая всегда преобладала на радио и телевидении. Тексты песен также отличаются своей острой социальной направленностью, в них часто отражаются современные проблемы молодёжи (отсутствие цели в жизни, духовная деградация, алкоголизм, наркомания и т.п.), ярко звучит протест против роста преступности, коррупции, ущемления человеческих прав, социального неравенства, ухудшения экологии и других актуальных проблем в масштабах всей страны. Объектом критики часто является элита, представляемая в альтернативных песнях лишённой духовности, ищущей лёгкую дорогу к обогащению и комфорту, равнодушной к национальным обычаям и традициям.

Особое признание в народе альтернативная музыка получила благодаря языку, на котором исполнялись песни. В отличие от “правильного” Bahasa Indonesia в поп- и фольклорной музыке, здесь, как правило, используется разговорный язык молодёжи, уличный сленг, а также заимствования из местных языков (например, яванского, сунданского или бетави), который в большей степени отражает жизнь простого народа и гораздо более удобен для передачи эмоционального настроения молодёжи. Следует отметить, что ненормативная лексика используется гораздо реже, чем в аналогичной западной музыке, что делает песни привлекательными для более широкой аудитории слушателей.

Последствия глобализации, с которой часто отождествляются такие понятия, как американизация и неоколониализм, отразились на современной индонезийской музыке прежде всего в том, что многие песни стали исполняться на английском языке. Многие альтернативные группы и исполнители часто берут себе англоязычные имена. В связи с этим они могли бы потерять часть аудитории, не владеющей английским языком, однако на практике это не происходит, поскольку частое заимствование английских слов и их использование в

индонезийской разговорной речи стало вполне обычным явлением благодаря увеличению числа англоязычных программ на радио и телевидении, а также усилиям правительства в сфере народного образования.

Библиография

1) W. Nurindah, Y. Pattipawaey, Y. Oktavia. *Youth Culture in Indonesia*. Jakarta, 2000.

2) M. Bodden. Rap in Indonesian Youth Music of the 1990s: “globalization”, “outlaw genres”, and social protest. *University of Victoria, Dept. of Pacific and Asian Studies*. Victoria, 2001.

3) Материалы веб-сайтов *Disctarra* (www.disctarra.com) и *Tembang* (www.tembang.com).

4) Материалы газет *Kompas* (www.kompas.com) и *Jawa Pos* (www.jawapos.com).

М. О. Куликова
(МГУ)

ГЕОГРАФИЯ УРБАНИЗАЦИИ В ИНДОНЕЗИИ

Индонезия – одна из крупнейших стран мира: 4 место по численности населения (221.777.700 человек, 2004 г.) и 25 место по объему ВВП (2002 г.).

За полвека независимого развития страна из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную. Изменяется не только структура хозяйства и роль страны в международном разделении труда, но происходит трансформация общества: от патриархального аграрного к городскому – индустриальному и постиндустриальному.

Одним из проявлений и в то же время формой социально-экономической трансформации является процесс урбанизации.

Географии урбанизационных процессов в такой территориально и этнически неоднородной стране, как Индонезия отражает территориальную динамику социально-экономической трансформации страны.

Индонезия страна древнего урбанизма, но молодого процесса урбанизации. Однако во второй половине XX века этот процесс развивался столь быстро, что всего за полвека она превратилась в страну среднего уровня урбанизированности. В 2000 г. доля городского население составила 40 % , а к 2030 году, по оценкам экспертов ООН,

достигнет 60%. Это будет означать не только переход на качественно новый уровень урбанизационных процессов в стране, но и новое качество индонезийского общества.

По числу горожан – более 80 млн. человек – Индонезия стоит на 7-ом месте в мире (после Китая, Индии, США, Бразилии, России, Японии). Более 90 городов имеют население, превышающее 100 тысяч человек, в т.ч. 8 городов-миллионеров. Ход урбанизационных процессов привел к формированию крупных агломераций и возникновению гигантского столичного урбанизированного ареала Джаботабек. Столица Индонезии Джакарта с населением 17,5 млн. человек входит в число мировых городов.

Индонезия – скорее уникальная, чем типичная развивающаяся страна не только по характеру урбанистической структуры, но и по пространственной развертке всех урбанизационных процессов, которые в Индонезии характеризуется ярко выраженной стадийной и территориальной неравномерностью. В ее разных регионах можно одновременно наблюдать различные стадии сформированности городских сетей и структур от самых примитивных до вполне зрелых территориально-урбанистических систем.

Наибольшей зрелостью урбанистических структур и пространственного развития урбанизации отличаются Ява и Суматра. На Яве единая система расселения, опирающаяся на крупно-городской каркас, складывалась на протяжении нескольких веков. На Суматре – огромном острове с крупными природными преградами, затрудняющими развитие внутренних связей, – формирование единой системы городского расселения произошло за последние полвека, что свидетельствует о чрезвычайно высоких темпах развития.

Крупные региональные городские системы на остальных островах не сформировались. На Калимантане и Новой Гвинее сложился так называемый ресурсно-экспортный характер освоения, с присущим ему рисунком расселения: крупные города, расположенные на побережьях и служащие портами вывоза ресурсов, не связаны между собой.

Локальные системы городского расселения сформировались на Сулавеси и наиболее густо заселенных из Малых Зондских островов (Бали, Ломбок). В конце 20 века здесь ускорился рост крупных центров. На прочих островах либо имеется лишь небольшое число городов, либо они отсутствуют совсем.

Общенациональная система городского расселения в Индонезии находится в процессе становления. Она складывается из частей,

различных по масштабам, степени зрелости и слитности. К началу 21 века она полностью включает Яву и Суматру, а также обращенные к внутренним морям и проливам региональные урбанистические системы Калимантана и Сулавеси. В слабозаселенных областях даже небольшие административные центры и населенные пункты, имеющие морское или авиационное сообщение с другими частями и главными центрами страны, служат ядрами формирования локальных городских сетей.

Г.М. Шахрул
(ИСАА при МГУ)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

ХУАЦЯО В ЮВА

1. Одной из самых влиятельных мировых диаспор является китайская: она насчитывает около 30 млн. человек. Наиболее могущественным кланом хуацяо является азиатская китайская диаспора (около 90% зарубежных китайцев). Степень влияния китайской диаспоры на социально-экономическую ситуацию в странах Юго-Восточной Азии такова, что согласованные действия ее представителей способны существенно влиять на внутривнутриполитическую стабильность.
2. Сегодня китайский капитал занимает лидирующие позиции в Индонезии, Малайзии, Филиппинах и Таиланде, не говоря о Сингапуре, в котором 77% населения являются этническими китайцами. Существенны экономические позиции хуацяо в других странах: Австралии, Бирме, Лаосе, Вьетнаме, на Филиппинах.
3. Китайский бизнес эффективно использует финансовые ресурсы и в политической сфере, поддерживая местные властные группировки. Растущее внимание государства к китайскому капиталу как важному источнику финансирования общенациональных хозяйственных программ обуславливалось не только лояльностью этой буржуазии, но и ее возрастающим экономическим потенциалом.
4. Ориентация иностранного капитала на преимущественное сотрудничество с местной китайской буржуазией усиливает ее противоречия с буржуазией коренной. Однако экономический национализм антикитайской направленности во всех странах АСЕАН на протяжении длительного периода, по существу, дал обратный результат – рост этнокультурной внутренней консолидации хуацяо, укрепление и отраслевое расширение позиций местного китайского капитала.

5. Связи КК с КНР: благодаря взвешенной и продуманной политике пекинского руководства, а также сильным семейным связям, ежегодно в форме денежных переводов, благотворительных пожертвований, банковских вкладов и непосредственно инвестиций в Китай направляются миллионы долларов. Хуацяо стали одним из самых главных внешних факторов, способствовавших бурному экономическому росту Китая. Китайские предприниматели выступают инициаторами создания совместных предприятий, а сами хуацяо стали универсальными посредниками между Китаем и развитыми странами.

6. Китайские бизнесмены выступают важнейшей движущей силой интеграционных процессов в АТР, обладая определенными преимуществами перед другими участниками региональной интеграции. Среди причин, которые позволили столь успешно функционировать китайскому капиталу в странах ЮВА, можно выделить следующие:

- необходимость упорно и много работать, чтобы оказывать материальную помощь семьям и родственникам в Китае;
- широкие региональные связи;
- способность и необходимость консолидироваться для успешного выживания во враждебной обстановке;
- готовность оказывать помощь представителям своего клана или семьи.

7. Прогнозы: китайская буржуазия всеми силами и впредь будет стремиться сохранить свою роль в экономике, ибо это дает ей немалый вес в политической жизни стран проживания. Кроме того, используя свои капиталы и накопленные знания, китайская буржуазия и впредь будет продолжать развиваться и наращивать экономический потенциал. Важно отметить усиление тенденции сближения контролируемых китайцами компаний друг с другом для завоевания рынка ЮВА. Китайский капитал все активнее ищет выход вовне, используя свое влияние и региональные связи для расширения торговли в целом в АТР.

СОДЕРЖАНИЕ

А.О. Захаров. Проблема политической организации Шривиджайи VII в. н.э. в историографии	1
П.В. Погадаева. Атрибутика власти монарха в средневековой балийской культуре (по материалам хроники «Бабад Булененг»)	4
А.Е. Зимин. Томас Стэмфорд Раффлз – основатель Сингапура	7
Ю.А. Ландер. Конъюнкция в Западной Индонезии	8
Н. В. Заболотная. Проблема изучения -in/-an/i- аффиксов тагальского (филиппинского) глагола	12
Е.А. Новоженова. Лексическая интерференция в тагальском языке	15
Е. В. Романова. «Песни странника» Сануси Пане	17
Е.А. Позднякова. Проблемы реконструкции традиции в теме семьи и брака в современной индонезийской прозе 1970-1990 гг.	19
В. А. Сотский. Новые тенденции развития современной индонезийской молодёжной музыки	21
М. О. Куликова. География урбанизации в Индонезии	24
Г.М. Шахрул. Социально-экономическая и политическая роль хуацяо в ЮВА	26